

крестьянам и пастухам», с помощью или по крайней мере в духе которых он создал эту «писмарицу» о прошлом, о борьбе южных славян с турками, то это уже — факт социальный: становясь народной книгой, «писмарица» выходит за пределы литературы, одновременно подчеркивая значение народного творчества славян. Татищев, Курганов, Попов, Чулков, Трутовский и другие вводили народное творчество в литературу ранее Гердера.

Проблема сосуществования и взаимовлияния фольклора и литературы не может быть решена с помощью упрощенной формулы, объявляющей фольклор прогрессивным и народным, а в литературе усматривающей противоположные качества. В определенные исторические моменты литература была более прогрессивной, чем то устное творчество, которое служило реакцией, что случалось нередко, особенно если вспомнить о сказочниках и песенниках, подвизавшихся в домах феодалов и помещиков. Именно русская литература последней трети XVIII в. дает нам примеры как реакционного екатерининского фольклоризма (нечто подобное, как говорилось выше, происходило столетием ранее во Франции), так и фольклоризма прогрессивного, связанного с именами Новикова, Фонвизина, Радищева. Здесь стоит заметить, что истинный фольклор, выражающий интересы народа, оставался в рамках собственной традиции, подобно тому как в аналогичных рамках оставалась прогрессивная литература. При этом, разумеется, из понятия традиции я исключаю жанровый позитивистский эволюционизм и простирающую отсюда имманентность.

С одной стороны, нужно осторожно относиться ко всякому факту «вхождения» фольклора в литературу, даже в том случае, когда произведения устного творчества собраны и опубликованы. Это всего лишь моментальный снимок текстов, живущих далее своей коллективной жизнью, обращающихся в народе, совершенствующихся, а иногда и подвергающихся порче. Но, с другой стороны, следует отвергнуть структуралистский принцип 30-х годов, объявляющий литературу «замкнутой структурой». Всякая национальная литература открыта влияниям устного творчества и иноязычных литератур. То же самое можно сказать о фольклоре, и о русском фольклоре в частности.

Народная сатира не могла появиться в ложноклассической форме в тех случаях, когда эта сатира бичевала хищных и алчных господ, купцов, ленивых попов и продажный суд, когда она затрагивала «государство помещиков и купцов», самодержавие и крепостничество. В рукописях эта народная сатира сохранилась либо в виде коротких анекдотов, возникающих при всех авторитарных режимах, либо в виде повестей и диалогов большого размера. В печать проникали лишь образцы беззубой сатиры (высмеивающие, к примеру, взбалмошное модничанье, галломанию, распущенность светских дам). Народный богатырский эпос (не считая сборника Кириши Данилова) еще предстояло открыть. Былинные герои